

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ To the question of typology of legal consciousness

С. С. Фоменко, соискатель Уральского государственного аграрного университета
(Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42)

Аннотация

Выдвинут тезис о влиянии типов мировоззрения на типы правосознания личности, обусловленном ее общими ценностными ориентациями. Раскрыты общие и различные черты структуры мировоззрения и правосознания как одной из его характеристик. Актуализированы положения «идеалистической» школы права, согласно которым правосознание формируется под влиянием абсолютных (высших) ценностей, тогда как нормы государственного права образуются под влиянием служебных (функциональных), конъюнктурных ценностей. Это обстоятельство рассматривается как основа дихотомии (внутреннего противоречия) между правовым сознанием и правосознанием личности. Сформулированы критические аргументы против модернистских представлений, согласно которым всякое мировоззрение может меняться сколько угодно. Высказана и обоснована идея о том, что зрелое правосознание, основанное на абсолютных ценностях, способствует формированию целостной личности, для которой характерно устойчивое (укорененное в формальных и неформальных институтах) мировоззрение.

Ключевые слова: мировоззрение, ценности, правосознание, нормы, право, закон, переходные типы правосознания, самооценка, самопознание, саморегулирование, самоконтроль.

Summary

There is given the thesis about the impact of the types of worldview on types of legal conscience of personality caused by its common value orientations. The article reveals common and different features of the structure of world view and legal conscience as one of its characteristics, actualizes provisions of «idealistic» school of law, according to which the sense of justice is influenced by absolute (higher) values, whereas norms of state law are formed under the influence of functional, opportunistic values. Critical arguments against modernist notions, according to which every world view can vary indefinitely, are formulated. There is also expressed the idea that mature legal conscience, based on absolute values, promotes the formation of the integral personality, which is characterized by a stable outlook.

Keywords: world view, values, legal conscience, norms, law, transitional types of legal consciousness, self-esteem, self-awareness, self-regulation, self-control.

Постановка проблемы типологии правосознания требует обращения к основным типам мировоззрения людей. Известно, что существуют следующие типы мировоззрений: *антропоцентризм*, *теоцентризм*, *социоцентризм* и т. д. В состав мировоззрения входят нормы, которые «весьма схожи с ценностями, но в то же время существенно от них отличаются. Если ценностный аспект отношения к тому или иному событию заключается в его квалификации (оценивании), то норма несет в себе установку на регулятивность, предписание: она предписывает, как должно действовать, что следует делать, чтобы достичь определенного результата. Нормы разрешают или запрещают что-либо делать» [3]. Если представить структуру любого мировоззрения в целом, то она сводится к совокупности: а) *знаний*, б) *ценностей*, в) *норм*. И от того, каков характер каждого из названных компонентов и какова их взаимосвязь, зависят устойчивость и цельность мировоззрения.

Очевидно, что правосознание также включает в себя определенные компоненты. Ценности и нормы также присутствуют в структуре правосознания. Но, в отличие от сознания, в котором *формируются знания* как таковые, в правосознании под воздействием личного опыта и через личностное отношение к тому, что знаешь, *формируются* именно *нормы*. Иначе говоря, в правосознании происходит процесс *превращения ценностей в нормы*. Следовательно, сознание, не подкрепленное самосознанием – это не развитое, не зрелое, не устойчивое сознание.

Аналогичным образом и правовое сознание без правосознания – формальный институт, который может служить и добру, и злу. В самом деле, если ценности постоянно меняются, не становятся нормами, то меняется и мировоззрение в целом. Дело в том, что если ценность не становится нормой, то не формируются убеждения. Человек остается на уровне представлений, которые могут достаточно легко изменяться под влиянием самых разных факторов (эндогенных и экзогенных). Они, эти представления, не обладают необходимой степенью устойчивости, что превращает и сознание в весьма «ветреное», неустойчивое образование. Иное дело, когда правосознание позволяет сформироваться из ценностей нормам. Тогда появляются убеждения, и само поведение личности становится строго целенаправленным и детерминированным нормами.

Обратимся к юридическим нормам. Очевидно, что они «регулируют отношения в обществе принудительно: им обязаны подчиняться все без исключения граждане, независимо от того, хороши нормы права или нет» [3]. Но весь вопрос в том, насколько «хороши» нормы права. «Хороши» для всех, а не для отдельных категорий граждан или социальных групп. Ведь следование «плохим», т. е. не социализированным, юридическим нормам, которые противоречат объективным интересам людей, не просто аморально. Это очевидное зло, поскольку оно нарушает высшие, абсолютные принципы (ценности) человеческого общества. Именно в этом увидел русский философ – основатель «идеалистической» школы права П. И. Новгородцев причину кризиса правосознания. В работе «Кризис современного правосознания» (1909) он особое внимание обратил на бессилие внешних политических форм и учреждений, на распространение представлений о ненужности права как такового, права без нравственности. На рубеже XIX и XX вв. кризис правосознания обнажил дефицит того, что автор назвал «нравственным должествованием» [2, с. 12], а еще до него И. Кант – «нравственным законом». Эта же причина лежит в основе и современного кризиса правосознания начала XX в.

Поэтому вполне актуально звучат слова П. И. Новгородцева о том, что «оберегать нравственную основу права от воздействия мелкой практики и односторонней теории, утверждать его чистое, идеальное значение, его моральную основу – вот цель, которой должна служить современная философия права, вот знамя, под которым она должна идти» [2, с. 306].

Однако если цель философии права состоит в том, чтобы «оберегать нравственную основу права», то цель социальной философии заключается в том, чтобы раскрыть социальную природу этой нравственной основы. П. И. Новгородцев справедливо видел эту основу в человеческой солидарности. В основе такой солидарности, по его мнению, лежит право на достойное существование [2, с. 321]. Это право русский философ рассматривает как фундаментальный принцип существования и развития общества. Без соблюдения этого принципа разные социальные силы, руководствующиеся, казалось бы, высокими идеалами, часто сбиваются на насилие, на террор, на осуществление зла. В качестве примера автор приводит деятельность Робеспьера. Кроме того, анализируя в своих «Лекциях по философии права» взгляды многих предшественников на сущность права и правосознания, русский философ

приходит к выводу, что «не мы одни, весь мир переживает в наши дни кризис правосознания. И самое важное и основное в этом кризисе есть то, что это кризис неверия, кризис культуры, кризис государства, отринувшего связь с церковью, кризис закона человеческого, отказавшегося от родства с законом Божеским» [2, с. 321].

Религиозный характер представлений П. И. Новгородцева о сущности правосознания сегодня многим покажется анахронизмом и диссонансом в отношении к прагматическому мышлению, нигилизму и атеизму. Следует, однако, иметь в виду, что история правосознания – это, прежде всего, история религиозного правосознания. И тут для ее адекватного понимания важны именно религиозные нормы, их генезис.

Понятно, что религиозные нормы распространяются только на людей верующих. При этом люди, принадлежащие к разным вероисповеданиям, придерживаются разных религиозных норм. Религиозные нормы так же, как нормы юридические, находятся в постоянном развитии. Они изменяются не только внешне, с учетом современной ситуации, но и внутренне, с учетом интегрированности личности в современный социум. Налицо ослабление общего влияния религиозных норм на правосознание человека, произошедшее в XX в. Это тоже фактор постоянных трансформаций нашего сознания и самосознания.

В этой связи встает вопрос о том, как часто меняются мировоззрение, сознание, самосознание, правовое сознание и правосознание? Что касается мировоззрения, то тут можно сослаться на мнение русского философа Л. Шестова, который считал, что мировоззрение человека может меняться сколько угодно и как угодно часто. Человек может менять свое мировоззрение, как ботинки или перчатки [4, с. 51]. Однако философ не приводил никаких аргументов в пользу своего мнения, ссылаясь исключительно на свободу выбора, на личную свободу человека и т. д. Что же касается тех, кто хотел быть постоянным в своем мировоззренческом выборе, Л. Шестов предлагал «учреждать порядок внутри себя» и «не гордиться этим, а всегда помнить, что в этом сказывается человеческая слабость, ограниченность, тяжесть» [4, с. 51–52].

Представляется, что Л. Шестов испытал на себе влияние современных ему западных концепций философии права и правосознания, уже подверженных модернистским веяниям. Он, например, совершенно безосновательно ставит во главу угла вольной смены мировоззрений идею полной свободы. Но личность нигде и никогда не была полностью свободной. Философская наука оперирует с понятием автономия личности. Подмена понятий делает выводы Л. Шестова неубедительными. Кроме того, он совершенно безосновательно называет приверженность своим убеждениям и принципам догматизмом. При этом становится понятным, что русский философ вообще не различает элементы мировоззрения: знания, ценности и нормы. Приверженность знаниям, которые могут устаревать, действительно можно называть догматизмом. В переводе с греческого *dogma* – мнение. Мнение, основное на представлении, вполне может меняться по мере углубления наших знаний. Но это касается сознания. Что же касается ценностей, то здесь вопрос более сложный. Есть абсолютные ценности бытия, одинаково актуальные на любом этапе существования личности (ценности веры, надежды, любви, добра, красоты и т. д.). Есть же ценности производные, функциональные, значение которых может изменяться на разных этапах человеческой жизни. Ценности свободы, равенства, достатка (материальной обеспеченности), информированности, например, существенно меняют свое значение. Точнее то значение, которое им придает человек на разных этапах своего жизненного пути. И если в этом случае такое изменение значимости естественно, то в случае с абсолютными ценностями такое изменение значений свидетельствует только о неполноценности бытия и нецелостности личности как таковой. Поэтому

суждения Л. Шестова вызывают серьезные возражения. Эти возражения еще больше усиливаются, когда мы обращаемся к самосознанию и правосознанию, т. е. тем конструктам личности, в которых формируются ценностные ориентации и нормы. Нормы отражают идеалы и принципы жизнедеятельности личности. Меняя эти принципы, эти правила игры и изменяя своим идеалам, личность саморазрушается, а отнюдь не адаптируется, не развивается. Она утрачивает и свою этническую, и свою культурную идентичность. Потому что идеалы и основанные на них принципы – нормы поведения – это фундамент любой национальной родовой культуры.

Вот как описывал эти идеалы культурной идентичности П. И. Новгородцев. Ссылаясь на Ф. М. Достоевского, он писал: «В произведениях Достоевского мы находим отчетливейшее выражение русского мировоззрения, у него мы находим и глубочайшие основы русской философии права. Если попытаться высказать в немногих словах эти основы, то их, по-моему, можно сформулировать следующим образом:

1. Высший идеал общественных отношений есть внутреннее свободное единство всех людей, единство, достигаемое не принуждением и внешним авторитетом, а только Законом Христовым, когда он станет внутренней природой человека.

2. Единственный, подлинный и совершенный путь к идеалу – свободное внутреннее обновление людей и внутреннее осознание их общей друг за друга ответственности и их всепронизывающей солидарности. Поскольку это обновление может быть достигнуто лишь милостью Божией как следствие веры и любви, возникающих в человеке Божией благодатью, – осуществление общественного идеала без Бога невозможно. Обустройство без Бога, без Христа – это попытка, обреченная на слабость и бесплодность. Всюду и всегда, где является действительный нравственный прогресс, имеется также и осуществление дела Божия, которое может состояться и без воли человека и возвания его к Богу, силой высшей воли и божественного провидения.

3. В процессе общественного строительства право и государство представляют собою лишь известные вспомогательные ступени этого развития, которые сами по себе слишком слабы для преобразования жизни. Их задача – возможно ближе подняться к действительному идеалу общественной жизни, воплощенному в Церкви в ее идеальном смысле, как месте внутреннего свободного сожития людей. <...>

4. Поскольку закон Божий, закон любви, есть высшая норма для всех жизненных отношений, право и государство должны черпать свой дух из этой высшей заповеди. Не раскол между правом, с одной стороны, и нравственностью, с другой, как то провозгласила новая философия права, а новая, непосредственная связность права и нравственности...» [2, с. 373–374].

И далее следуют еще три пункта «символа веры» в том же духе. Понятно, что этот «символ веры» бесконечно далек от современного состояния российского общества и самого человека. Уповать на религиозность или мистическое основание солидарности представляется бессмысленным. Важнее понять, что для осуществления человеческой солидарности (в форме социального партнерства, социальной кооперации или иной) необходимо укреплять правосознание как инструмент духовно-нравственной «самонастройки» нашего правового сознания, да и сознания вообще. И эта социальная основа, хоть она и основа, не стоит на месте. Она развивается и порождает *переходные* формы и типы сознания, правового сознания и правосознания. Но важно то, что социально-философский аспект анализа правосознания связан в первую очередь с той ролью, которую оно играет в механизмах регуляции социального поведения индивида. Иначе говоря, это проблема условий и факторов усвоения индивидом содержания моральных,

правовых, религиозных, политических и т.д. способов реализации их требований, с одной стороны, с другой – исследование содержания норм с точки зрения учета ими границ и способов самодетельности человека, сферы его свободы, защищенной от чьего-либо вмешательства» [1].

Рассматривая именно правовое самосознание (правосознание), личность задается вопросом о том, в чем состоит ее право. Этот вопрос влечет за собой другой не менее важный вопрос: каковы способы правовой реализации объективных интересов личности? Чтобы остаться в правовом поле, т. е. в пределах общепринятых норм, личность должна соотнести эти нормы со своими собственными. Она *должна* выработать способы такого соотнесения. Здесь требуются: а) *самооценка*, б) *самопознание*, в) *саморегулирование*, г) *самоконтроль*. Эти четыре компонента самосознания позволяют ему эффективно преобразовать личное сознание, в том числе и правовое, не нарушая социальных (например, правовых) норм и не допуская социальных отклонений (девиаций).

Библиографический список

1. *Ершов Ю Г., Истамгалин Р. С.* Социально-философские проблемы анализа индивидуального самосознания // *Мировоззрение и культура : сборник статей.* Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. С. 125.
2. *Новгородцев П. И.* Сочинения. М. : Раритет, 1995.
3. *Рыбаков Н. С.* Мутации мировоззрения? // *Мировоззрение и культура : сборник статей.* Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002.
4. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. Л., 1991.